



СОКОЛОВ Алексей Михайлович,
заведующий кафедрой социальной философии и философии истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор философских наук, доцент

ИСТОРИОСОФИЯ РОССИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО¹

Ключевые слова: историософия, Н.Я. Данилевский, история, философия.

Политическая философия – это философия по преимуществу. Не составить большого труда для обоснования данного утверждения, начиная с учений Платона и Аристотеля. А, если к философии в общем понимании присовокупить еще и историю, то можно сказать, что и она тоже является вариантом философии – философии политики. По крайней мере, сочинения Геродота, Фукидида, Полибия, Тита Ливия вполне можно квалифицировать как философские в том смысле, что в них повествуется о становлении миропорядка: греческого или римского – миропорядка, исток которого делание людей, и эллинов, и римлян, и персов, и этрусков, и даже диких скифов. История древних авторов – это во многом не только политическая история, это история политики как философия, то есть учение о материальной, формальной, деятельной и целевой причинах человеческого мира. Здесь будет кстати отдельно упомянуть о «политиках» Аристотеля, в которых принципы политического устройства анализируются в контексте исторического исследования.

Мысль средневековья, сформировавшаяся в рамках монотеистического провиденциализма, на целое тысячелетие отказалась от пафоса историчности в понимании миропорядка. Самодеятельность человека в иудаизме, особенно в исламе и даже в христианстве предопределена или, по крайней мере, предпослана волей Создателя. Стало быть, преодоление трудностей, решение задач, достижение цели, то есть проявление собственной воли как свободной воли там всегда сопряжено с божьей милостью. Только к пятнадцатому веку в расцерковляющемся христианском сознании вновь возникает и стремительно нарастает интерес человеческой самодеятельности. Вместе с тем, этот интерес у Н. Макиавелли обнаруживается в негативно-критической модальности, если вообще правомерно говорить о негативной модальности. В «Истории Флоренции» тосканский мыслитель по большому счету дает описание непрекращающихся раздоров среди своих соотечественников. Тем не менее, длительное противостояние между различными сословиями, кланами, корпорациями завершается всеобщим при-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Грант № 24-28-00533 «Социокультурное и геополитическое наследие Н.Я. Данилевского в историческом и современном контекстах».

знанием единоначалия в лице представителя рода Медичи. Деятельностью этого человека все возможные страсти и пороки людей претворяются в гражданские добродетели.

Итальянское слово «il principe» возможно было бы перевести не только как «князь» или «государь», но и — как политик, в смысле, начальник, гарант настоящего, то есть гражданского мира. Ту же модель перехода от исконной «войны всех против всех» к «вечному», гражданскому миру можно вывести из сочетания гегелевской «философии истории» и «философии права». Первая в таком случае будет выполнять роль своеобразной политической пропедевтики, или практической феноменологии. Вторая, т.е. «философия права», будет логическим раскрытием сущего в его подлинности, развернувшимся из неистинности прошлого в совершенство настоящего, то есть в том, что мы называем историей. И также этот процесс можно назвать «феноменологией политического», имея в виду то, что в каждом произвольно выбранном моменте этого процесса обнаруживается логическое и семантическое единство всех предыдущих моментов. И эта логически-семантическая сродственность моментов может быть постигнута только потому, что ее энергичной причиной является деятельность людей, точнее — непрерывное их взаимодействие, или, проще говоря, общение. Ведь степень интенсивности общения людей отражает степень их взаимопонимания и, в конечном счете, их разумности.

Таким образом, прусская монархия у Гегеля — это результат практической феноменологии в формате исторически последовательного сплочения людей. Или другими словами, Мировая история реализуется в прусской политике свободных собственников примиряющихся в разумном согласии буржуазной государственности.

Гегель безусловно был прав в своем убеждении, что история завершается политикой гражданского согласия свободных собственников. Прошлое осуществилось в настоящем, сняв все вопросы о будущем, устранив тем самым будущее как таковое. Теперь только настоящее. Тот же нарратив с нахальством эпигона воспроизвел Фрэнсис Фукуяма.

Ограниченность подобного понимания логики и, следовательно, порядка человеческого бытия продемонстрировал девятнадцатый век, удачно названный Э. Хобсбаумом «веком революции». Это название в своем определении до такой степени глубоко, что, кажется, даже его автор не догадывался о том, о полном его содержании. Ведь революция — это совсем не свержение или отрицание старого. Революция — это возвращение в исходную позицию, в известном смысле — возвращение к истоку, к подлинным устоям, основаниям в перспективе их будущей или настоящей их актуализации. Именно так, надо, нам королевскую династию. Правда, девятнадцатый век, в самом деле, «изобрел» футурологический вариант трактовки революции, но это только усугубило трагичность исторического процесса, что особенно проявилось уже в следующем веке, который оказался неизмеримо страшнее всех своих предшественников. Двадцатый век стал веком мировых войн, постепенно перешедших в двадцать первый век глобальной гражданской войны.

Мы последние сто десять лет фактически живем вне истории. Вероятно, во всяком случае хочется так думать, мы живем в преддверии, накануне «новой истории». Мы все отчетливее осознаем, что настоящего нет, а стало быть и сущее ускользает из бытия, а стало быть мы не можем больше искать себя только в прошлом потому, что оно извращено настоящим раздраз. Но это совсем не означает, что нам надлежит отказаться от прошлого. Тем более, что нашему народу подобный опыт очень хорошо известен. Это означает, что наше прошлое так же, как и настоящее, нам надлежит вычитать из будущего. Ведь не важно, что думает о себе народ, важно то, что о нем думает бог. Переводя это высказывание из мистического в исторический контекст, мы переходим к пониманию того, что подлинная свобода, а значит и разумность, осуществляется только будущим; не «в будущем», а именно будущем в нашем мышлении в виде отчетливо осознаваемой цели своего существования. Так же как суть Спасителя открывается нам и через прошлое евангельских повествований и апокалиптическими предвосхищениями, наше настоящее определяется и тем, что произошло уже с нами, но в особенности тем, что произойдет, сбудется нашими руками, тем, что станет нашей настоящей историей свободы.

То, что уже произошло, оно уже не в нашей власти и недоступно нашей воли, с ним уже ничего нельзя сделать. В определенном смысле – прошлое, если оно, в самом деле, ушло, перестало быть нашим, и поэтому оно не история, а только прошлое. Оберегая прошлое в памяти, как особом модусе сознания, мы охраняем и сдерживаем настоящее, как предпосылку, которое может стать, а может и не стать будущим, замкнув тем самым цикл бессмертия. И это уже в нашей воле. В конце концов, в нашей воле определять, что наше, а что – нет. В истории любая предпосланность, то есть обусловленность, претворяется подвижничеством к ней отношением свободного человека; правильнее сказать «свободных людей». Ведь в одиночестве человек не может быть свободен хотя бы потому, что в одиночестве он вообще не может быть. Свободными могут быть только люди в добро-вольном отношении друг к другу, формирующем их сознание. И удивительным образом общение строится на интуитивном, то есть безусловном, безоговорочном общем признании чужого, такого же безусловного.

Интересно как исторически зарождалось русско-российское национальное самосознание. Восточно-славянские, угрофинские, нормандские, тюркские, византийские и даже ордынские элементы удивительным образом приходили к цивилизационному сочетанию, признавая в другом своего. Всегда это происходило по разному, но приводило к общему единению, правда, никогда не достигавшего самодостаточности. Цивилизационный же контакт с только что возникшим и начавшим усиливаться в восемнадцатом веке западным миром, почему то не привел к подлинному общению. Напротив, все усилия прилагаемые Россией к великому союзу, приводили только к усилению Запада и неуместности России в его отношениях ней.

И только с третьего десятилетия девятнадцатого века Россия начала приходить к осознанию своей неуместности в уже вполне состоявшемся «вечном мире» «гражданского общества», защищаемого «правовым государством». С осознанием этой неуместности началось оформление нашего национального са-

мосознания, нашей собственной идентичности, собственной цивилизационной перспективы и цивилизационной стратегии. А концептуальным выражением этого осознания и стала знаменитая книга Н.Я. Данилевского, в которой как раз, пожалуй, впервые философия истории трансформируется в историософию, предельно актуализируя политический контекст, развивая его содержание до философского уровня.

До сих пор не прекращаются дискуссии по поводу соотношения понятий «философия истории» и «историософия». Здесь, как известно, преобладают две точки зрения. Со-гласно первой, понятия синонимичны и взаимозаменяемы с тем только дополнением, что историософии присуще стремление к методологической строгости в духе позитивизма. Согласно второй, историософию отличает религиозно-мистический настрой мысли, отражающийся в тяге к провиденциалистскому истолкованию исторического процесса. В истории русской мысли обе линии тесно переплетаются. К первой – отнесем В.С. Соловьева и почти всех его последователей; ко второй – Н.И. Кареева. Для первого характерен своеобразный философско-поэтический профетизм; для второго – методологический формализм.

«Россия и Европа» Н.Я. Данилевского была опубликована (1869 г.), когда и Н.И. Кареев (г.р.1850) и Соловьев (г.р. 1853) еще только вставали на путь академической науки. И хотя в книге Н.Я. Данилевского мы ни разу не встречаем слова с корнем «историософ», проблематика этого произведения выстроена сугубо в историософском ее понимании и характеризуется рядом специфических черт.

Политический подтекст исследования имеет смысл не столько формально содержательно, сколько отражает присутствие метафизического интереса у автора. Политическая фактография играет роль материи, которая ждет, чтобы ей была придана форма, раскрывающая ее содержание. Другими словами, в представленном событийном ряду историко-политического плана Н.Я. Данилевский усматривает метаисторические и метаполитические начала мироустройства. Сама по себе бытийная предметность ничтожна в своей существенности и значимости, даже если она является артефактом какой-то чуждой культуры как определенного самобытного миропорядка. Поэтому в предметную предпосланность мира-культуры входят, как естественные явления (ландшафт, климат), так и искусственные (культурно-исторические системы или их элементы), с которыми данная мир-культура вступает во взаимодействие, претворяя их предпосланную элементарность. Для эллинов такими «элимен-тами», по-видимому, были микенцы, египтяне, финикийцы, конечно же, персы. В противоборствующем сотрудничестве с ними они достигли своего цивилизационного совершенства. Сами эллины стали претворенным элементом для римлян, которые помимо греческого элемента имели дело с этрусками, галлами, пунийцами. Римское же наследие претворилось в формате Византийского Царства и Священной Римской Империи.

Здесь важно заметить, что при каждом цивилизационном наследовании вновь возникающему миру-культуре требовалось весьма длительное время, чтобы прийти к осознанию собственной цивилизационной суверенности. С особенной отчетливостью это можно проследить на примерах Византии и Священной Римской Империи как наследников Imperium Romanum. Во всяком случае каждый раз залогом такого осознания была выработка собственной цивилизационной

стратегии, основанной на самобытном понимании целевых установок и способов их достижения, развитых в практическом опыте многих поколений.

Книгу Н.Я. Данилевского можно считать первым теоретическим осмыслением цивилизационного опыта России. Именно поэтому Н.Я. Данилевского следует считать и первым настоящим русским философом. Ведь «Россия и Европа» удивительно цельный, законченный трактат, в котором систематически изложены принципы российской действительности, причем не только в ретроспективе; прошлое-настоящее, но и в перспективе: настоящее будущее. Последнее обстоятельство и делает труд нашего мыслителя историософским. Ведь автора интересует не столько прошлое, которое уже осуществлено в неподлинном настоящем, сколько будущее, как результат исполненного претворения и преображения и прошлого и настоящего в их совершенстве. Поэтому условно первая часть произведения представляет собой критическую часть. Причем здесь критикуется не только Европа как олицетворение угасающей западной цивилизации, но и духовная зависимость от нее России, не только позволяющее адекватно оценивать свое прошлое, но и тормозящее продвижение в будущее.

На протяжении нескольких столетий Россия находилась в историческом кильватере Европы, постоянно действуя в большей степени в ее, чем в собственных интересах, настойчиво желая вступить в «концерт европейский держав» на правах равного участника. Двенадцать первых глав Н.Я. Данилевский отвел последовательной деконструкции двух связанных русским самосознанием мифологем: об исключительности европейского культурно-исторического типа и причастности к нему России. Тем самым он, как бы подводя итог долгим спорам западников и славянофилов,

С четырнадцатой главы «Царьград» Н.Я. Данилевский почти полностью переходит к тому, что сейчас назвали бы «созданием образа будущего». И дело совсем не в том, что заявленная мыслителем главная идея о всеславянском союзе не подтвердилась и вряд ли подтвердится историей. Существенно важнее обоснование принципов цивилизационного суверенитета, цивилизационной политики как общего национального дела.

© Соколов А.М., 2024

Список литературы:

1. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М. «Алгоритм», 2008.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М. «Институт русской цивилизации» 2011
3. Кожурин А.Я. Н.Я. Данилевский: жизнь и творчество: монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020.
4. Кузнецов Н.В., Соколов А.М. Онтологизация истории в ретроспективе русской философии (П.Я. Чаадаев — Н.Я. Данилевский — Н.Ф. Федоров) // Философия истории философии. 2021. Т. 2.